

Карпицкий Н. Н. Объективные основания системы права / Н. Н. Карпицкий // Научный диалог. – 2014. – № 7 (31) : Экономика. Право. – С. 96–105.

УДК 340.114.5+001.11

Объективные основания системы права

Н. Н. Карпицкий

В статье рассматриваются объективные основания системы права. Подчеркивается, что нерешенным остается вопрос о том, как обосновать необходимый характер тех или иных правовых норм, которые вводятся законодателями. Доказывается, что правоведение должно не только описывать функциональность системы права, но и обосновывать необходимый характер правовых норм. Автор считает, что наиболее убедительно выглядит обоснование системы права посредством категории правосознания. В свою очередь, правосознание должно опираться на такую основу, которая не зависит от изменчивой исторической ситуации, а именно – на априорные правовые ценности и принципы. В соответствии с априорными основаниями права становится возможным отличить необходимые правовые нормы от случайных норм, которые должны быть пересмотрены согласно требованию правовой логики. В случае если конкретные нормы права противоречат априорным правовым принципам, то они неизбежно формируют зону правового произвола. Автор устанавливает зависимость: если введенная правовая норма не формирует новую зону правового произвола, то она не противоречит априорным принципам права, а если формирует, то носит случайный характер и должна быть отменена.

Ключевые слова: право; правоведение; априорные основания права; правовая норма; наука.

Не всякое исследование в области правоведения, имеющее безусловную теоретическую или практическую ценность, поднимается до научного уровня. Знание приобретает научный характер, когда не просто описывает факты и связи между ними, но выявляет необхо-

димый характер этих связей. С позиции этого требования и должно рассматриваться правоведение как наука.

Очень часто исследования в области правоведения сводятся к описанию позитивного права с позиции его функциональности, что очень важно для юридической практики, однако недостаточно, чтобы обладать научностью. Авторы пишут о практике правоприменения, но не ставят вопрос о смысловой необходимости правовых норм, принимая их как данность. Бывает и обратное, когда автор уклоняется в область построений умозрительных схем, например, в теоретическую систематизацию правовых категорий в соответствии с диалектическим или системным подходом, в силу чего исследование приобретает скорее философский характер. О научном характере правоведения можно говорить лишь тогда, когда установлена смысловая необходимость тех ли иных норм права. Этого невозможно достичь, ограничившись только анализом позитивного права, так как нормы позитивного права законодатели могут принимать в силу случайных субъективных факторов.

В отечественном правоведении ставился вопрос о выявлении специфической для права смысловой обусловленности. В частности, С. С. Алексеев рассматривает особую логику права, в соответствии с которой выделяются причинно-следственные отношения правовой нормы и юридического факта с правоотношением [Алексеев, 1999, с. 179–180]. В качестве элементов логики права выделяется гипотеза, диспозиция и санкция. Внутри правоведения как широкой науки можно выделить и конкретные дисциплины с собственными научными методами, в частности юридическую герменевтику. В связи с этим С. С. Алексеев предлагает разные методы юридической герменевтики: грамматический, логический, специально-юридический, систематический, исторический [Алексеев, 1999, с. 131–137]. Развивая этот подход, А. Ф. Черданцев определил методы юридической интерпретации в соответствии с четырьмя типами объяснения – атрибутивным, генетическим, функциональным, структурным [Черданцев,

2000, с. 17-19], а А. М. Васильев предложил обосновать логику права категориально в форме определенных понятийных рядов [Васильев, 1976]. Всё это говорит о разработанности понятийного и логического аппарата правоведения, однако возникает вопрос, как обосновать необходимый характер тех или иных правовых норм, которые вводятся законодателями.

Данную проблему О. Е. Рычагова формулирует следующим образом: «по каким критериям отличить необходимую норму права, предполагаемую самой правовой системой как целым, и случайную норму, введенную в силу каприза законодателя?» [Рычагова, 2003б, с. 109]. Большинство правоведов не придают значения указанной проблеме, полагая, что случайные нормы не будут работать и сами собой отомрут, что противоречит юридической практике [Рычагова, 2003а, с. 79]. Случайные нормы задают сферу правового беспредела, порождают коррупцию, ведут к дискриминации людей, ставят их в ситуацию бесправия. Такого рода нормы, по сути имеющие антиправовой характер и разрушительные для социально-политической системы, могут целенаправленно внедряться в законодательство для защиты корыстных интересов определенных социальных групп.

Чтобы этого избежать, необходимо выявить объективный характер права, однако в правоведении уже используется понятие объективного права в более узком смысле. «В существующей юридической литературе право понимается либо как мера возможного поведения (субъективное право), либо как система норм, выраженных в таких источниках, как правовой обычай, правовой прецедент, нормативный договор, нормативно-правовой акт (объективное право)» [Рычагова, 2003а, с. 49]. Субъективное право очерчивает сферу правовых притязаний субъекта. Объективное право не зависит от воли субъекта и определяет отношения между людьми независимо от характера их притязаний. Однако при таком понимании право носит объективный характер только по отношению к его субъектам, но не законодателям, которые в силу субъектных факторов могут произвольно изменить

те или иные нормы права. Следовательно, нужно говорить об объективности иного рода, основанной на таком принципе, который не зависит от воли законодателя.

Решение этой проблемы требует соотнести правовую систему с не зависящей от субъективных настроений и произвола конкретных законодателей действительностью, по отношению к которой должна обосновываться необходимость тех или иных норм права. Однако тут возникает вопрос, о какой именно действительности должна идти речь, соотнесенность с которой придает праву объективный характер: теоретическая система, данная в умозрении, социальная ситуация, устоявшиеся общественные традиции или априорные правовые принципы? Различные правоведческие подходы предлагают разные основания объективного права: религиозное (откровение, священные книги, религиозные авторитеты), социальное (социально-исторические законы, с необходимостью обуславливающие определенные формы регулирования отношений между людьми, традиции и обычаи), антропологическое (естественное свойство человека, выражение его духовно-нравственной природы) или позитивистско-юридическое.

Сгруппируем все возможные подходы по трем основным позициям.

1. Функциональность самих норм права как обоснование позитивного права. В этом случае правовые нормы оцениваются в зависимости от ситуации, что ведет к их релятивизации.

2. Соотнесенность права с социальной действительностью, что позволяет выявить экономическую, политическую, социальную целесообразность норм права и их обусловленность культурой и традициями. Здесь возникает опасность, что право будет поставлено в зависимость от других, внеправовых принципов, например, идеологии, обеспечивающей экономические, политические или социальные цели в интересах власти либо группы лиц, стремящихся к власти.

3. Соотнесенность права с идеальной реальностью – правосознанием, которое определяется правовыми ценностями и принципами, первичными по отношению к правовым нормам.

Функциональное обоснование норм права наиболее характерно для позитивистского понимания права, согласно которому под правом понимается система правовых норм, которые устанавливаются государством, обеспечивающим их выполнение путем принуждения и угрозой санкций в случае их нарушения. В этом случае регулирующее общественные отношения право, подкрепленное не зависящей от человека системой принуждения, воспринимается им как объективное. Однако сам государственный механизм установления правовых норм зависит от субъективных настроений людей, которые принимают законы. Поэтому внутри позитивистского понимания права невозможно выделить объективный принцип, в соответствии с которым можно было бы обосновать необходимый характер правовых норм. В рамках данного подхода объективный характер права сводится к его принудительности по отношению к субъектам и функциональности, обеспечивающей успешность регулирования отношений между субъектами.

Доказательство объективного характера права на основе социальной действительности, а именно социальных и исторических закономерностей или традиций предполагает, что право выводится из внешних по отношению к праву оснований. Из этого следует, что правоведение как наука имеет своим обоснованием знания социологии, истории или культурологии. В этом случае вопрос о собственно правовых основаниях науки о праве остается нерешенным. Помимо этого, возникает угроза релятивизации правовых знаний, если основания правовой науки будут определяться по отношению к изменчивой социокультурной ситуации. Обоснование права на религиозной основе позволяет избежать подобного рода релятивизации, однако не решает главную проблему поиска именно таких оснований правовой науки, которые бы имели объективную правовую природу.

Более убедительно выглядит обоснование системы права посредством категории правосознания, включающего как сам процесс осмысления людьми отношений друг с другом и с обществом, так и идеальную сферу правовых ценностей и принципов, в соответствии с которыми происходит осмысление конкретных жизненных ситуаций. Правосознание первично по отношению к действующей юридической системе уже потому, что им обладают люди, даже не владеющие конкретными юридическими знаниями.

Правосознание имеет два измерения – историческое и априорное. Историческое правосознание складывается на основе традиции, включающей в себя этику, культуру, религию народа. При этом историческое правосознание динамично и может каждый раз по-новому раскрываться в новой социокультурной ситуации. Соответственно, в нем может меняться оценка должного и недопустимого в отношениях между людьми. Например, на каком-то этапе исторического развития считалась приемлемым коллективная правовая ответственность за преступление отдельного представителя семьи или общины, однако в современном сознании это воспринимается как средневековый пережиток.

Однако правосознание должно опираться на такую основу, которая не зависит от изменчивой исторической ситуации, а именно – на априорные правовые ценности и правовые принципы. Априорные основания правового сознания даны интуитивно на дорефлексивном уровне, поэтому требуется теоретический метод их выявления и обоснования. Выводить их из эмпирического опыта нельзя, так как на эмпирическом опыте можно обосновать с равной степенью убедительности любые, даже взаимоисключающие принципы. Однако задача заключается в том, чтобы выявить не просто объективное основание права, но такое, которое будет носить априорный характер, не зависящий ни от воли и настроений людей, которые устанавливают законы, ни от каких-либо других эмпирических факторов.

В качестве метода выявления априорных оснований права можно использовать метод феноменологической редукции Э. Гуссерля.

На первом уровне совершается феноменолого-психологическая редукция, выносятся за скобки все объяснительные установки, связанные с признанием внешнего мира. Благодаря этому феномен рассматривается сам по себе, как он дан в сознании [Гуссерль, 1999, с. 202–203]. На втором уровне совершается трансцендентальная редукция. Здесь уже выносятся за скобки все эмпирические и психологические характеристики феномена, благодаря чему выявляется его априорное основание. О. Е. Рычагова показала, что данный метод феноменологической редукции применим к знанию о праве и также предполагает два уровня: «Во-первых, редукция всех объяснительных принципов, связанных с признанием внешнего мира (редукция теории отражения, социально-деятельностного подхода и т. д.), и, во-вторых, редукция случайных эмпирических обстоятельств. Благодаря проведению редукции мы можем выделить смысл правовой нормы и смысл правовой системы так, как они в самоочевидности открыты сознанию» [Рычагова, 2003б, с. 109]. О. Е. Рычагова полагает, что феноменологическая редукция позволяет выявить эйдетическую основу права, обуславливающую смысловую необходимость, обязательную для любого научного исследования в области правоведения. Выявленная эйдетическая структура составляет априорные основания права, независимые от каких-либо эмпирических условий.

Априорные основания права должны быть интуитивно очевидны и первичны по отношению социокультурной ситуации и позитивной системе права. Иначе говоря, они не определяются внешними факторами, при этом они служат принципами правовой оценки конкретной ситуации. Поэтому для обоснования принципов, на которых строится правовая система, следует, по мнению О. Е. Рычаговой, «описывать самоочевидные правовые смыслы и выявлять определяемую ими смысловую необходимость»: «В этом контексте самоочевидными будем признавать те первичные смыслы, которые кажутся человеку интуитивно убедительными, и последовательное их раскрытие

в системе знаний не вступает в противоречие ни с опытом, ни с требованиями логики» [Рычагова, 2003б, с. 109–110].

Например, всякому человеку представляется очевидным, что если он взял в долг деньги на определенный срок, то должен их своевременно вернуть даже в том случае, если заем не оформлен юридически, и потому регулирование данной ситуации не обеспечено конкретными правовыми нормами. Поэтому данная ситуация регулируется не нормами позитивного права, а правовым сознанием, в основе которого лежат априорные принципы права, которые не зависят от того, какие правовые нормы включены в законодательство. Более того, эти априорные принципы позволяют определить необходимый или произвольный характер уже действующей правовой нормы и, в случае ее отсутствия в законодательстве, обосновать необходимость ее введения.

В соответствии с позитивистским пониманием правовые отношения детерминируются только утвержденными государством правовыми нормами. Однако если правовые нормы будут противоречить правовому сознанию, то государственное принуждение к их исполнению будет восприниматься людьми как произвол. Следовательно, правовое сознание первично по отношению к позитивному праву. То есть само правовое сознание формируется на основе априорных правовых принципов и ценностей путем выделения правовых отношений из всех прочих форм отношений между людьми.

Правовые отношения возникают внутри самих человеческих отношений задолго до принятия тех или иных законов, а именно в тот момент, когда человек ограничивает себя ради того, чтобы не нарушить интуитивно признаваемые права другого человека. Условием такого рода отношений является правовое сознание. В соответствии с ним признается, что другой человек тоже обладает правами, соблюдение которых требует самоограничения. Поскольку каждый участник правовых отношений обладает правами, должен быть принцип, позволяющий их согласовывать – это принцип правовой справедливости.

ности, который носит объективный характер, то есть не зависит от воли или настроений людей. Способы согласования прав могут быть различными лишь в определенных пределах, и выход за эти пределы объективно ведет к произволу.

Устанавливаемые государством правовые нормы не должны противоречить априорным принципам. Поэтому в обосновании вводимых новых норм права должно обязательно быть заключение об их соответствии тем априорным принципам, которые лежат в основе всей правовой системы. Это обоснование должно осуществляться научными методами, выявляющими необходимость правовых норм. Таким образом, позитивное право должно закреплять объективно складывающиеся правовые отношения на основе априорных правовых принципов и ценностей. В случае если конкретные нормы права носят произвольный характер и противоречат априорным правовым принципам, то они неизбежно формируют зону правового произвола, которую можно обнаружить методом наблюдения. Таким образом, правовое знание приобретает верифицируемый характер, как того и требует научный подход. Если введенная правовая норма не формирует новую зону правового произвола, то она не противоречит априорным принципам права, а если формирует, то носит случайный характер и должна быть отменена. Соответственно, к правоведению становится применим и введенный К. Поппером принцип фальсифицируемости. Обоснование необходимости норм права должно допускать методологическую возможность его опровержения результатами, полученными эмпирическими методами.

Можно провести параллель между наукой о праве и наукой об экономике, так как в них очень близки способы верификации и фальсификации. Законы, регулирующие право и экономику, устанавливаются государством, однако, помимо этого, существуют объективные законы экономики и права. Если государство принимает законы регулирования экономики вопреки объективно существующим экономическим законам, то наступает экономический хаос, аналогичным

образом если принимает юридические законы вопреки априорным принципам права, то формируется зона правового произвола. И в том, и в другом случае результаты введенных произвольных законов можно зафиксировать эмпирическими методами, что позволяет говорить о научной общезначимости знаний о правовых и экономических законах.

Литература

1. *Алексеев С. С.* Право : азбука – теория – философия : опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 712 с.
2. *Васильев А. М.* Правовые категории : методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 264 с.
3. *Гуссерль Э.* Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль / пер. с нем. А. В. Михайлова. – Москва : ДИК, 1999. – Т. 1. – 336 с.
4. *Рычагова О. Е.* Системообразующие факторы права / О. Е. Рычагова. – Томск : Томский государственный университет, 2003а. – 124 с.
5. *Рычагова О. Е.* Феноменология права / О. Е. Рычагова // Творческое наследие Г. Г. Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект) : Г. Г. Шпет / Comprehensio. Четвертые Шпетовские чтения. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003б. – С. 109–112.
6. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 2000. – 422 с.

© **Карпицкий Николай Николаевич (2014)**, доктор философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск), karpizky@yandex.ru.